

Двойной гамбит

Европейский энергетический передел

Николай ЛЕВЧУК,
кандидат политических наук

Европейский газовый рынок переживает переходный период, который, по оценкам экспертов, продлится до 2035 года. Сегодня стремительно формируется новый – евразийский – рынок, который окажет заметное влияние и на европейские поставки газа. Это означает еще большее укрепление доминирующего статуса энергетической компании «Газпром» на континенте и повышение геополитической роли транзитных государств, таких как Республика Беларусь.

Отказ России от участия в проекте газопровода «Южный поток» в конце 2014 года прозвучал как гром среди ясного неба. Представители европейской бюрократии, систематически ставившие палки в колеса проекту, казалось бы, достигли своей цели, но вместо ликования последовала раздраженная реакция. Уничтожить российскую трубу одним выстрелом не удалось, потому что сразу возникла идея «Турецкого потока»: на границе Турции с Грецией было задумано создание энергетического хаба для дальнейших поставок газа в ЕС. Но после того как турецкие ВВС сбили российский СУ-24, проект «Турецкого потока» тоже, скорее всего, уйдет в небытие. «Двойной гамбит», связанный с поочередным «аннулированием» двух крупных газовых проектов, создает интригу в процессе дальнейшего формирования и форматирования европейского рынка газа. Конкурентное преимущество «Газпро-

ма» как раз и заключается в том, что эта мегакорпорация способна держать паузу и молниеносно принимать стратегические решения.

Газовое фехтование

О том, что Россия уже не рассчитывает на реализацию «Турецкого потока», было заявлено на самом высоком политическом уровне. Однако не будем анализировать перипетии российско-турецких отношений. Речь пойдет о формировании новой модели европейского газового рынка в переходный период на фоне столкновения геополитических центров силы.

Следует напомнить, что идея проекта газопровода «Южный поток» в 2008 году возникла как реакция на очередной российско-украинский газовый кризис. В целом же проект в обход Украины по дну Черного моря через Болгарию должен был снизить зависимость ЕС от стран-транзитеров. Как отметил глава «Газпрома» А. Миллер, решение об остановке «Южного потока» – начало конца модели работы компании на европейском рынке, когда «Газпром» ориентировался на поставки конечному потребителю [1]. Еще в середине прошлого года Россия заявила о запуске «Северного потока – 2», призванного диверсифицировать риски, связанные с возможным отказом от реализации «Турецкого потока». Последний олицетворял новую модель поставок: газотранспортные мощности проекта планировалось построить лишь до границы Турции с Грецией и поставлять газ на энергетический хаб, откуда его забирали бы конечные потребители.

ОБ АВТОРЕ

ЛЕВЧУК Николай Николаевич.

Родился в 1973 году в г. Бресте. Окончил Минское суворовское военное училище (1990), факультет журналистики Белорусского государственного университета (1995).

В 1996–2008 годах работал корреспондентом, начальником отдела идеологической работы печатного органа Министерства обороны «Во славу Родины». С 2009 года – начальник отдела зарубежной военной информации военного информационного агентства Вооруженных Сил Республики Беларусь «Ваяр». С 2012 по 2015 год – научный сотрудник НИИ Вооруженных Сил Республики Беларусь, с 2015 – начальник научно-исследовательского отдела (проблем военной безопасности) научно-исследовательского управления (военно-гуманитарных исследований) НИИ Вооруженных Сил. Полковник.

Кандидат политических наук (2014).

Автор 8 научных и более 200 публицистических статей.

Сфера научных интересов: теория коммуникации, семиотика, геополитика, конфликтология.

В «Целевой модели рынка газа ЕС» еще в январе 2010 года впервые была обозначена стратегия, направленная на формирование в Евросоюзе рыночных зон по типу «вход-выход», образующих центры спотовой торговли – хабы (под спотом подразумеваются биржевые сделки купли-продажи газа). В этом смысле проект «Турецкого потока» свидетельствовал о стремлении «Газпрома» адаптироваться к новым «правилам игры», сохранив при этом положительную динамику роста поставок на европейский рынок.

Аналитики сравнивают поведение России на газовом рынке с фехтованием. На смену «Турецкому потоку» сразу пришел «Северный поток – 2» (СП-2). Ответный укол был произведен молниеносно: информация о запуске СП-2 появилась в начале июля прошлого года буквально сразу после расторжения контракта на строительство первой нитки «Турецкого потока» между «Газпром» и итальянской компанией Saipem S.p.A.

О том, что концерн построит газопровод – дублер «Северного потока» мощностью 55 млрд куб. м газа в год, глава «Газпрома» А. Миллер сообщил еще в июне того же года на Петербургском экономическом форуме. Стоимость газопровода не должна превысить 9,9 млрд евро, его планируется ввести в строй в 2019 году. Как отметил глава «Газпрома», он повторит технические решения «Северного потока – 1». С точки

зрения прямых затрат расширение «Северного потока» более выгодный проект, чем строительство нового, каковым является «Турецкий поток» и на который планировалось потратить 24 млрд евро.

Маршрут «Северного потока» проходит по дну Балтийского моря от бухты Портовая близ Выборга до побережья Германии в районе Грайфсвальда. Протяженность составляет 1224 км. «Северный поток» включает в себя две нитки мощностью 27,5 млрд куб. м/год каждая. Сейчас действуют две ветки (общей мощностью 55 млрд куб. м газа в год), строительство еще двух веток позволит увеличить мощность в два раза. Таким об-

▼ Центральная диспетчерская «Газпрома»

разом, суммарная мощность после запуска «Северного потока – 2» должна составить 110 млрд куб. м газа в год, тогда как предполагаемая мощность «Турецкого потока» – 63 млрд куб. м. Не менее выразительное сравнение в данном случае с шахматами, где гамбит – это жертвование фигурой. Произошедший «двойной гамбит» оставляет Россию в сильной позиции особенно с учетом того, что в СП-2 участвуют такие компании, как швейцарская Nord Stream AG, нидерландско-британская Shell, нидерландская Gasunie, немецкая EON, австрийская OMV. Такое мощное представительство крупнейших газовых ТНК нейтрализует многие политические риски, связанные с негативным влиянием европейской бюрократии. Согласно прогнозам аналитиков, импорт природного газа в Евросоюз составит 512 млрд куб. м в год в 2030 году. «Северный поток» призван реализовать наполнение существенной части этого объема, но надо учитывать новые европейские «правила игры», связанные с Третьим энергетическим пакетом и направленные, в первую очередь, против российского газового монополиста.

Миссия выполнима?

Стратегическая цель применения мер Третьего энергетического пакета, по замыслу его архитекторов, заключается в диверсификации поставщиков газа в ЕС. Начало их непосредственной реализации совпало с системными изменениями рыночной среды. Концепция, реализуемая в рамках Третьего энергетического пакета, нацелена на слом действующей с конца 1960-х годов системы поставок газа в Европу, перекладывание дополнительных рисков на производителей газа, крупнейшим из которых на континенте является Россия [2]. Эта попытка начать «говорить одним голосом» в рамках ЕС предполагает создание единой европейской энергетической сети и формирование единого рынка газа.

Российский эксперт в области развития газовых рынков А. Конопляник поясняет, что после 2009 года на рынке сформировался относительный избыток предложения. В результате сократился рост спроса на газ в Европе и одновременно выросло его предложение. Это произошло в основном из-за экономического кризиса и вызванного им спада производства. Кроме того, стали да-

вать эффект меры по активно субсидируемому внедрению возобновляемых источников энергии и повышению энергоэффективности во всех сферах хозяйствования.

На плановый ввод в эксплуатацию новых ориентированных на европейский рынок экспортных мощностей (заложенных в его докризисном состоянии) наложился «эффект домино», вызванный американской сланцевой революцией. Суть его в том, что взрывной рост добычи сланцевого газа в США фактически закрыл внутренний рынок страны для импортных поставок, и ориентированные на рынок США поставки сжиженного природного газа (СПГ), в основном из Катара, были переориентированы на Европу [2]. Такое изменение рыночной среды происходит в ЕС под знаком демонополизации и либерализации.

Похоже, геополитические антироссийские мотивации в этом процессе берут верх над экономической целесообразностью. Чего стоит признание по поводу практического внедрения мер Третьего энергетического пакета, сделанное на конференции по развитию внутреннего энергорынка ЕС в сентябре 2011 года тогдашним еврокомиссаром по энергетике Г. Эттингером: «Такое впечатление, что пока мы гребем против течения, стоит прекратить грести, и мы немедленно окажемся затянутыми в противоположном направлении». Еврокомиссия тогда была очень обеспокоена скрытым и явным саботажем этих мер многими странами Евросоюза, которые заинтересованы работать напрямую с «Газпромом».

Тот же Г. Эттингер в свое время напрямую грозил последствиями тем странам Европейского союза, которые поддержат ныне закрытый проект «Южный поток». Он призывал отложить его до тех пор, пока он «не будет соответствовать европейскому праву». Еврочиновник неоднократно излагал мотивацию ЕС, выражая опасения, что «Южный поток» может значительно расширить влияние России в Европе и не позволит реализовать конкурирующий европейский газопроводный проект «Южный коридор», который должен связать Европу с Центральной Азией в обход России. А «Южный поток» по сравнению с «коридором», дескать, «не открывает новые источники» [3]. На официальном уровне в Европейском союзе вовсе не скрывают, что начатая после распада СССР институциональная реформа

в сфере газоснабжения, кроме экономической мотивации, имеет отчетливую антироссийскую политическую подоплеку. Вот и утвержденная не так давно стратегия создания Энергетического союза ЕС предполагает ограничение для инвестиций российских компаний в европейский энергосектор.

Третий энергетический пакет венчает собой третью стадию реформирования законодательства ЕС в сфере регулирования рынка газа и электроэнергии после двух первых, произошедших в середине 1990-х и начале 2000-х. Пакет вступил в силу в сентябре 2009 года как раз в период, когда началась новая фаза развития газового рынка. Быстрый и во многом неожиданный переход от рынка продавца к рынку покупателя оценивается экспертами как «фазовый переход» (переходный период) к новому рыночному состоянию в условиях избытка предложения [2]. Этот переход является движущей силой формирования новой модели рынка газа в Европейском союзе.

Пакет включает Газовую директиву ЕС, Электроэнергетическую директиву ЕС, Регламент о доступе к газовым сетям, Регламент о доступе к электроэнергетическим сетям и предусматривает «комплекс мер по структурному реформированию вертикально интегрированных предприятий (ВИП), направленных на отделение естественно-монопольного вида деятельности (транспортировка) от конкурентных (производство, продажа). Декларируемая цель разьединения – лишение собственника системы транспортировки фактических возможностей и коммерческих стимулов для дискриминации не аффилированных с ним компаний (третьих лиц). Внедрение этой модели, по замыслу, должно привести к полной дезинтеграции ВИП: предприятие либо передает систему транспортировки независимому лицу, либо разделяется на принадлежащие разным собственникам компании, занимающиеся транспортировкой и производством (поставкой) энергии» [4]. Сущность основной новеллы в рамках Третьего энергетического пакета заключается именно в разьединении ВИП, что, в первую очередь, подразумевает разделение юрисдикций между производителями и транспортировщиками газа.

Формально система мер Третьего энергетического пакета сконструирована в духе общеевропейских подходов, но содержит

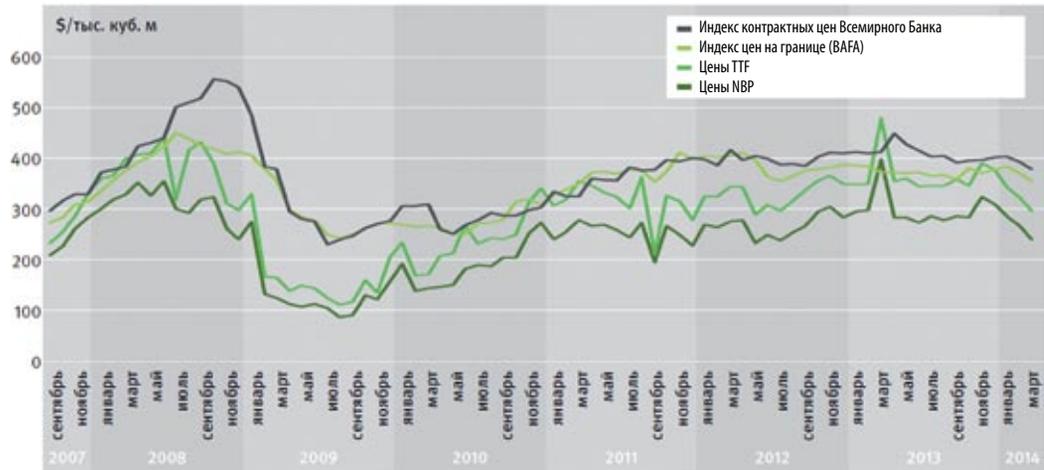
ряд внутренних противоречий, связанных с ограничением провозглашенной в рамках этих же подходов свободы движения капитала и претензиями на «экспроприацию» созданных под знаком «Газпрома» континентальных газотранспортных сетей [4]. При последовательной реализации этой модели европейская газотранспортная система рискует перейти под контроль транснациональных корпораций с юрисдикциями за пределами ЕС. Но это совсем не означает, что традиционных поставщиков на европейский рынок газа при помощи заявленных мер удастся потеснить.

Спот vs долгосрочные контракты

Экономическая мотивация новой энергетической стратегии ЕС [5] заключается в стремлении понизить среднерыночную цену газа на общеевропейском рынке. Расчеты основываются на том, что его цена по спотовым (биржевым) контрактам бывает значительно ниже, чем по долгосрочным, подписанным с тем же «Газпромом». Отделение газотранспортной системы от естественного монополиста и расширение сети энергетических хабов в ключевых пунктах сети газораспределения ЕС призваны создать более гибкую систему реагирования на рыночную конъюнктуру. На деле же спотовые контракты являются лишь производными системы долгосрочного планирования газовых поставок, представляя собой как бы более тонкие конъюнктурные настройки механизма ценообразования, привязанного к нефтяной корзине.

Спотовые биржевые площадки (или виртуальные хабы), как правило, географически привязаны к реальным газораспределительным хамам, вокруг них группируются продавцы и покупатели. В Великобритании, которая стала эталоном либерализации европейского рынка газа, сформировался единый для всей страны условный торговый пункт – NBP (национальный балансирующий пункт). Он объединяет береговые терминалы Фергюс и Бэктон, куда доставляется газ с месторождений Северного моря. NBP остается самым крупным хабом в Европе, его рыночная доля в ЕС составляет около 70 %. В континентальной части, начиная с 2003 года, образовалась сеть хабов – Zeebrugge в Бельгии, TTF в Голландии, PEG

► Цены долгосрочных контрактов и торговых площадок движутся в тандеме
Источник: данные Bloomberg.

во Франции, PSV в Италии, NSG и Gaspool в Германии, SEGH в Австрии, а также CDG в Испании. В тесной связи с хабами работают газовые биржи – ICE/APX в Лондоне, Powernext в Париже, APX/NP-Endex в Амстердаме и EEX в Лейпциге [6]. Кстати, газ «Северного потока – 2» в конечном счете будет замыкаться на центральноевропейский газовый хаб – SEGH в австрийском Баумгартене недалеко от границы с Германией, откуда он сможет поставляться и на рынок Юго-Восточной Европы. Но основной геополитический профит останется у Германии, которая после запуска СП-2 станет крупнейшим транзитным хабом в Европе.

Специалисты обращают внимание на то, что сформированная в последнее десятилетие на территории ЕС система хабов не отражает всей картины рынка. Хабы оперируют только остаточными объемами газа, которые находятся в свободном обращении, за пределами поставок по долгосрочным контрактам, где действуют иные принципы формирования цены (в привязке к нефтяной корзине). Поскольку долгосрочные контракты с нефтяной индексацией по-прежнему играют на рынке системообразующую роль (их доля в импортном газе, по данным «Газпрома», в 2013 году составляла 73 %), то базовый тренд движению спотовых котировок задают именно цены этих контрактов [7]. Поэтому спотовое доминирование, ставшее чем-то вроде идефикс представителей европейской бюрократии, на газовом рынке ЕС по определению недостижимо. Результатом либерализации в сфере поставок газа скорее станет среднестатистическое уравнивание цен, а на их

долгосрочное снижение или повышение влияют факторы иного рода.

Говоря о процессе либерализации, надо учитывать, что «невидимая рука рынка» может превратиться в кулак и нанести удар по самому рынку, а биржевыми ценами могут манипулировать теневые игроки. Так, в разгар политического кризиса в Украине летом позапрошлого года скачок спотовых цен был зафиксирован более чем на 20%. Тогда специалисты агентства Bloomberg пояснили: цена прекратила самое резкое падение с 2009 года и перешла к росту в связи с опасениями, что напряженность в отношениях между Россией и Украиной приведет к перебоям в поставках газа. Кроме спекулятивной игры, на спотовые цены влияют конъюнктурные, технические и погодные факторы. В отдельные периоды спотовые цены могут быть в два раза ниже «долгосрочных», как это было в начале 2009 года в разгар международного экономического кризиса, или, наоборот, превышать их, как в начале 2011-го после слишком холодной зимы.

Либерализация рынка в первую очередь повлияла на структуру формулы цены на газ, которая, как отмечают эксперты, сегодня индексируется в привязке не только к нефтяной корзине, но и спотовой конъюнктуре. Например, Норвегия еще в 2009 году предоставила многим крупным покупателям скидки и включила в контракты индексацию по спотовым ценам 25% контрактных объемов, увеличив за счет этого свои поставки в Европу с 86 млрд куб. м в 2008 году до 98 млрд куб. м в 2009 году. В целом в 2009 году многим крупным потребителям удалось добиться скидок или временного пересмотра

условий контрактов [7]. Таким образом, в настоящее время в ЕС формируется двухсегментный газовый рынок, представляющий собой гибридное сочетание спотовых и долгосрочных контрактов. Последние, несмотря на активно продвигаемую либеральную рыночную модель, будут играть определяющую роль в обозримой перспективе, оставаясь основным фактором равномерного распределения рисков и обеспечения «длинных» инвестиций.

На этом фоне планомерные попытки Еврокомиссии подорвать рыночные позиции «Газпрома» в ЕС представляются сомнительными, о чем свидетельствуют долгосрочные тенденции. Даже при снижении спроса на газ в Европе доля «Газпрома» на европейском газовом рынке неуклонно растет уже в течение 10 лет. Рост с 2010 по 2014 год, по официальным данным, составил почти 7 %. А это очень существенно, учитывая сокращение за тот же период потребления газа странами ЕС почти на 20 %. Положительную динамику роста в этот период показали разве что норвежские компании, объемы поставок которых примерно в пять раз меньше «газпромовских», тогда как у остальных поставки сжиженного природного газа в ЕС снизились.

В новых институциональных условиях «Газпром» планирует не только сохранить, но и расширить свою долю (более 30 %) европейского рынка газа. У естественного монополиста есть инструменты для достижения этой цели, что и продемонстрировал «двойной гамбит», связанный с расширением «Северного потока», путь к которому, кроме прочего, прокладывает создающаяся глобальная рыночная конъюнктура.

Несмотря на временный спад потребления, аналитики полагают, что в долгосрочной перспективе европейские потребители будут нуждаться во все больших объемах импорта СПГ. Прогнозируется рост мирового спроса на газ на 55 % к 2035 году, когда газовый рынок после переходного периода придет в стратегически равновесное состояние. Бурное развитие технологий в ходе последнего десятилетия создало предпосылки тотальной глобализации газового бизнеса, интеграции рынков, расположенных на различных континентах. Мировая торговля газом постоянно увеличивается, в последнее время рост обеспечивается за счет экспорта из России, Катара и Турк-

менистана. После завершения создания газопроводных систем на евразийском пространстве между Алжиром и Западной Европой, а также Россией и Китаем, окончательно сформируется гигантский трансконтинентальный газовый рынок, охватывающий страны Европы и Азии [8], что и предопределил новую модель европейской энергетической безопасности. Кстати, создание Евразийского экономического союза отвечает динамике данного процесса, позволяет реализовывать экономические выгоды такой глобализации.

Региональная роль транзитных государств в обозримой перспективе будет лишь повышаться, это касается и нашей страны. Не случайно три года назад российской стороной изучалась возможность реализации проекта «Ямал – Европа» – 2. В ситуации временной неопределенности на европейском газовом рынке предсказуемый коридор цены на газ, которая для Беларуси существенно ниже средневропейской, является весомым фактором инвестиционной привлекательности [9]. Переходный период открывает окно инновационных перспектив для белорусской экономики, создает благоприятные условия для ее модернизации. И этими возможностями нельзя не воспользоваться. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллер: «Газпром» меняет стратегию на европейском газовом рынке // ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://special.tass.ru/ekonomika/1628379>. – Дата доступа: 09.01.2015.
2. Андрей Конопляник: рынок газа в условиях неопределенности // pro-gas.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pro-gas.ru/news_interview/22.htm. – Дата доступа: 29.12.2014.
3. Поддержка «Южного потока» в текущем виде грозит странам ЕС «последствиями» // ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://special.tass.ru/ekonomika/1280991>. – Дата доступа: 26.12.2014.
4. Гудков, И.В. Третий энергетический пакет Европейского союза / И.В. Гудков // Нефть, Газ и Право. – 2010. – № 3. – С. 58–66.
5. Гудков, И. Новая Энергетическая стратегия и Инфраструктурный пакет Европейского Союза / И. Гудков // Вся Европа и Люксембург [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://alleuropalux.org/?p=4557>. – Дата доступа 12.01.2015.
6. Митрова, Т. Газовый рынок Европы: спот vs долгосрочные контракты / Т. Митрова, М. Белова // ИНЭИ РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ineiran.ru/articles/2012jan-mitrova-t-a-belova-m-a-gazovyyj-rynok-evropy-spot-vs-dolgosrochnye-kontrakty-energeticheskij-tsentr-skolkovo.pdf>. – Дата доступа: 12.01.2015.
7. Комлев, С. Покупатели не могут, продавцы не хотят / С. Комлев // Газпром [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/press/reports/2014/european-market-at-a-crossroads/>. – Дата доступа: 12.01.2015.
8. Медведев, А. Интеграция газовых рынков: в интересах устойчивого глобального роста / А. Медведев // Газпром [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/press/reports/2012/markets-integration/>. – Дата доступа: 12.01.2015.
9. Слуга, А.Г. Ідэалогія беларускай дзяржаўнасці (метадалогія фарміравання) / А.Г. Слуга. – Мінск: РІВШ, 2007. – 334 с.